

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-3>

УДК 332.05, 334.7

Л. С. Ружанская , Н. Г. Фонова , Е. А. Якимова Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

РЕАКЦИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА КОРОНАКРИЗИС: ВЛИЯНИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация. Сокращение деловой активности в российской экономике, вызванное антиковидными ограничениями, оказалось значительно меньше прогнозируемого международными финансовыми институтами. Даже сектор малого и среднего предпринимательства, испытавший существенный спад, в 2021 г. продемонстрировал восстановление и устойчивость намерений вести бизнес. Данное исследование ставит целью выяснить, как повлияли региональные власти на активность малого и среднего бизнеса в период кризиса и как это влияние сочеталось с собственными усилиями предпринимателей и экономической свободой в регионе. Для этого в работе использована методология исследовательского кейса на материалах Свердловской области – крупного российского региона с диверсифицированной отраслевой структурой и развитым сектором малого и среднего предпринимательства. В рамках кейс-стади использовано сочетание качественных методов исследования (полуструктурированные интервью с руководителями компаний для выявления глубинных мотивов деятельности и разнообразия реакции бизнеса на внешние вызовы) с количественными методами (рассчитан индекс экономической свободы в регионе за 2002–2020 гг. по методике Д. Коутса, а также с помощью регрессионного анализа по методу МНК оценена взаимосвязь между предпринимательской активностью в Свердловской области и вмешательством государства в экономику региона). Обнаружено, что численность ИП связана с участием государства в экономике региона, в то время как активность юридических лиц из сферы МСП в большей мере связана с экономической свободой. Сокращение и изменение структуры спроса, падение реальных доходов населения, ограничения на трансграничные операции и растущая концентрация рыночной власти в кризисный период ускорили изменение бизнес-моделей компаний в части взаимодействия с клиентами, ценностного предложения, сетевизации и цифровизации бизнеса, а также роста роли бизнес-ассоциаций во взаимодействии компаний и органов государственной власти. Результаты исследования могут быть применены при разработке мер государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства и регионального развития.

Ключевые слова: региональное развитие, малый и средний бизнес, пандемия COVID-19, экономический кризис, региональные власти и бизнес, государственная поддержка, резильентность бизнеса, цифровизация, бизнес-ассоциации, послекризисное развитие

Для цитирования: Ружанская Л. С., Фонова Н. Г., Якимова Е. А. (2022) Реакция малого и среднего бизнеса на коронакризис: влияние органов власти субъектов Федерации. *Экономика региона*, Т. 18, вып. 3. С. 653-672. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-3>.

¹ © Ружанская Л. С., Фонова Н. Г., Якимова Е. А. Текст. 2022.

RESEARCH ARTICLE

Liudmila S. Ruzhanskaya , *Nina G. Fonova* , *Elena A. Yakimova*
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Reaction of Small and Medium-Sized Enterprises to the Corona Crisis: the Impact of Regional Authorities

Abstract. The decline in Russian business activity due to the Covid restrictions was much lower than forecasted by international financial institutions. Even the small and medium enterprises (SME) sector, which experienced a significant downturn, in 2021 demonstrated a recovery and intentions to conduct business. The present study aims to reveal the impact of regional authorities on the activity of small and medium-sized enterprises during the crisis, coupled with the entrepreneurs' own efforts and economic freedom in the region. To this end, a case study of Sverdlovsk oblast, a large Russian region with a diversified industrial structure and a developed SME sector, was analysed. Both qualitative and quantitative research methods were utilised in the case study. Qualitative methods include semi-structured interviews with CEOs aimed at identifying deep motives of activity and diversity of business responses to external challenges. As for quantitative methods, the economic freedom index of the region for 2002–2020 was calculated using the Coates method, the relationship between entrepreneurial activity in Sverdlovsk oblast and government intervention in the regional economy was assessed based on the ordinary least squares regression. The study demonstrated that the number of individual entrepreneurs depends on the government participation in the regional economy, while the activity of legal entities is more related to economic freedom. During the crisis, demand reduction and change, real income decline, restrictions on cross-border transactions and a growing concentration of market power accelerated changes in companies' business models in terms of interaction with consumers, value proposition, networking and digitalisation of business. Additionally, business associations involved in the interaction between companies and public authorities gained importance in this period. The research results can be applied in the design of public policy measures for the small and medium-sized enterprises and regional development.

Keywords: regional development, small and medium business, COVID-19 pandemic, economic crisis, regional authorities and business, government support, business resilience, digitalisation, business associations, post-crisis development

For citation: Ruzhanskaya, L. S., Fonova, N. G. & Yakimova, E. A. (2022). Reaction of Small and Medium-Sized Enterprises to the Corona Crisis: the Impact of Regional Authorities. *Ekonomika regiona/Economy of regions*, 18(3), 653–672, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-3>.

Введение

За последние 10 лет Россия пережила два экономических кризиса — мировой кризис 2008–2009 гг. и украинский кризис 2014 г. В 2020 г. мир вступил в новый кризис, природа которого была необычна для бизнеса, поскольку была связана с ограничениями на экономическую активность из-за высокой контагиозности вируса COVID-19. Это резко повысило неопределенность ведения бизнеса. Бизнес не смог сразу использовать свои старые наработки антикризисного управления, однако довольно быстро адаптировался. По данным Росстата, суммарный оборот организаций по всем видам экономической деятельности вырос на 29,8 % за период январь — октябрь 2021 г. в сравнении с январем — октябрём 2020 г.¹

¹ Социально-экономическое положение России. Доклад // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-10-2021.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

В целом российская экономика перенесла кризис, по сравнению с остальными странами мира, относительно легко. ВВП России в 2020 г. сократился на 2,34 млрд руб. (со 109,24 млрд руб. в 2019 г. до 106,9 млрд руб. в 2020 г.), или на 2,1 %², что значительно меньше прогнозов международных финансовых институтов³.

Резкое падение деловой активности произошло за 2020 г. в секторе МСП: оборот предприятий (без микропредприятий) за год снизился на 3,1 трлн руб.⁴, число субъектов МСП

² По данным Федеральной службы государственной статистики // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Перспективы развития мировой экономики, апрель 2020 г.: Большая изоляция. Отчет МВФ // МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ Специальный доклад Президенту РФ уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

снизилось с 5,9 млн в январе 2020 г. до 5,5 млн в августе 2020 г.¹. В 2021 г. количество субъектов МСП стало восстанавливаться, однако среднесписочная численность занятых остается значительно ниже, чем в докризисный период (с января 2020 г. к декабрю 2021 г. показатель уменьшился на 683 тыс. чел.)². Это во многом связано с переходом работников в этом секторе в тень или в категорию «самозанятые».

Сложно ответить однозначно на вопрос, было ли сокращение предпринимательской активности в России за 2020 г. существенным по сравнению с другими странами, так как прямое сравнение затруднено из-за использования в каждой стране разных подходов к определению субъектов МСП³. К этому добавляются смещения оценок из-за высокой доли скрытой занятости в развивающихся экономиках. Учитывая сложности межстрановых сравнений, можно воспользоваться подходом, который предлагает «Глобальный мониторинг предпринимательства» (GEM). Так, в Индии за 2020 г. уровень ранней предпринимательской активности (*Total Early-stage Entrepreneurial Activity, TEA*)⁴ снизился почти на две трети. Серьезное сокращение наблюдалось в Польше, Марокко, Германии, Израиле, Италии и на Кипре. В Швейцарии, Бразилии, Латвии, Словении, Греции уровень ранней предпринимательской активности практически не изменился в 2020 г. по сравнению с 2019 г. В Омане, Египте, Панаме и Колумбии количество ранних предпринимателей увеличилось на 40 %⁵. В России в 2020 г. индексы

как ранней предпринимательской активности (TEA), так и для устоявшихся предпринимателей⁶ сократились незначительно и удерживаются на уровне сходном с США и Норвегией⁷. В кризис такая резильентность предпринимательства может быть связана с двумя причинами: (1) эффективность государственной поддержки и (2) собственные усилия по приспособлению к новым условиям хозяйствования. Ответ на вопрос о том, как соотносятся эти два фактора в экстремальных условиях кризиса, важен для определения дальнейших мер государственной поддержки. Однако решение не лежит на поверхности по нескольким причинам. Во-первых, необходимо учитывать отраслевые особенности ведения бизнеса. Коронакризис в силу своей специфики неравномерно повлиял на разные отрасли (рис. 1), для некоторых он дал толчок к развитию, например, IT и коммуникации, здравоохранение, поэтому структурные последствия неравнозначны.

Во-вторых, в нашей стране наблюдается высокий уровень различий в уровне предпринимательской деятельности (ПД) и плотности МСП между субъектами РФ. Например, в 2018 г. среднее число МСП на 10 тыс. жителей варьировалось от 57 в Краснодарском крае до 1481 в Республике Крым. Межрегиональные различия после 2020 г. только усилились — от 51 в Краснодарском крае до 1685 в Магаданской области⁸. Однако анализу внешних и внутренних, зачастую ненаблюдаемых факторов межрегиональных различий в развитии предпринимательского сектора уделяется пока мало внимания (Предпринимательство и институты..., 2018; Предпринимательские экосистемы..., 2019; Предпринимательская активность в России..., 2020; Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса..., 2021).

В-третьих, малое и среднее предпринимательство в силу небольших размеров деятельности в большей степени взаимодействует с региональными властями, нежели с властями на федеральном уровне. Поэтому следует учитывать региональный аспект анализа.

¹ По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС РФ (<https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 01.12.2021)).

² По данным: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС РФ. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Критерий предельного числа работников, установленный для МСП в России (250 чел.), также используется ОЭСР и Евростатом, однако критерий дохода уже существенно разнится. В России к средним относятся компании, имеющие доход до 2 млрд руб. (32,6 млн долл. США) ежегодно; для сравнения: в ЕС оборот средней компании не должен превышать 50 млн евро (61,7 млн долл. США).

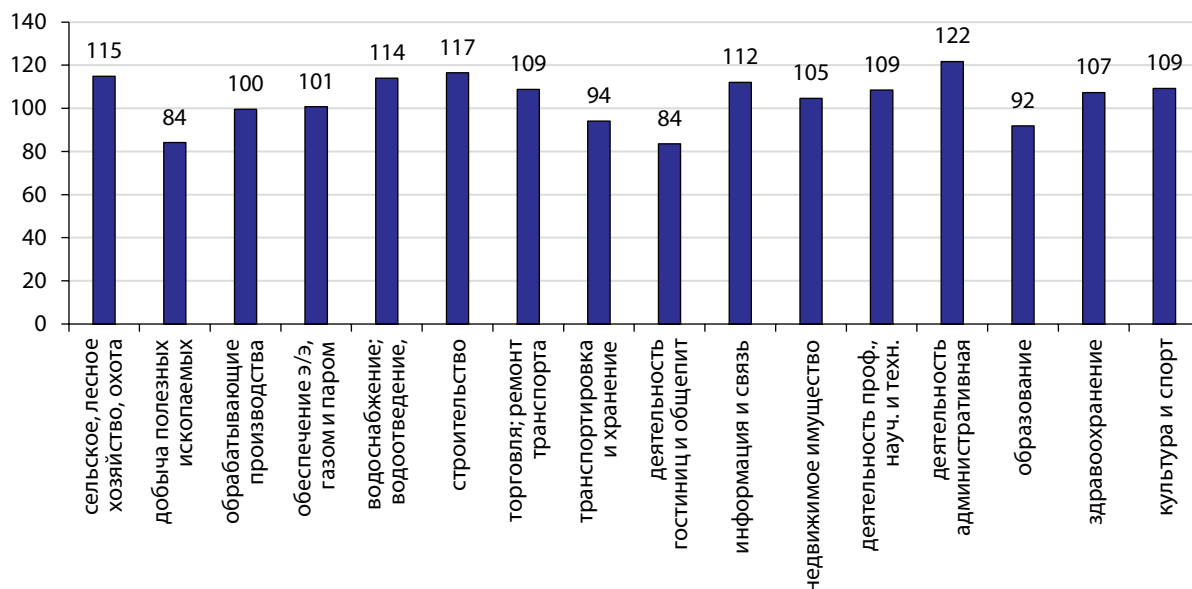
⁴ Ранняя предпринимательская активность (TEA) Процент населения в возрасте от 18 до 64 лет, находящегося в процессе открытия бизнеса (находящиеся предприниматели) или владеющего либо управляющего новым бизнесом менее 3,5 лет.

⁵ Национальный отчет глобального мониторинга предпринимательства (GEM) 2020–2021 гг. // Высшая школа менеджмента — Санкт-Петербургский государственный университет. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/2010_12_13_cil_seminar/otchet_2021-red-3.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

⁶ Бизнес просуществовал на рынке более 3,5 лет (по методологии GEM).

⁷ Национальный отчет глобального мониторинга предпринимательства (GEM) 2020–2021 гг. // Высшая школа менеджмента — Санкт-Петербургский государственный университет. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/2010_12_13_cil_seminar/otchet_2021-red-3.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

⁸ Рассчитано авторами на основании данных Росстат и Единого реестра субъектов МСП ФНС РФ.

Рис. 1. Динамика оборота организаций по видам экономической деятельности в действующих ценах (2020 г. в % к 2019 г.; источник: составлено авторами на основании данных Росстат и Единого реестра субъектов МСП ФНС РФ)

Fig. 1. Dynamics of turnover of organisations by type of economic activity in current prices

В-четвертых, реакция МСП на кризис не ограничивается только масштабами изменений деятельности, но и — что важно — как и почему она изменилась: мотивы, а также внутренние изменения в бизнес-процессах и бизнес-моделях компаний.

В связи с этим в работе поставлены следующие задачи:

1) определить ограничения развития, с которыми столкнулись предприниматели в наиболее пострадавших от ограничительных мер отраслях и отраслях широкого распространения МСП, а также реакции компаний со стороны бизнес-процессов и бизнес-моделей;

2) уточнить роль неформального и организованного взаимодействия МСП в повышении устойчивости в условиях кризиса;

3) выявить реакции МСП на меры поддержки государства и характер изменений в отношениях малого и среднего бизнеса с государством на региональном уровне;

4) оценить влияние участия региональных властей в экономическом развитии региона на активность малого и среднего бизнеса на этой территории.

Наша статья организована следующим образом: во введении обоснована логика исследования и поставлены основные исследовательские вопросы, обзор литературы разрабатывает теоретическую базу для последующего определения региональных тенденций в развитии МСП и взаимодействия с государством на региональном уровне, в методологическом разделе представлена информационная база

исследования и обоснован выбор метода кейс-стади для отдельного региона — Свердловской области, результаты эмпирического исследования позволяют определить роль региональных властей в реакциях МСП на вызовы кризиса, вызванного коронавирусом и в заключении представить результаты исследования, обрисовать ограничения и направления дальнейших исследований.

Теоретическая платформа исследования

Объектом исследования реакции российского бизнеса на кризисные явления в период пандемии стали, в первую очередь, общестрановые тренды. Такой подход вполне оправдан сразу по двум причинам: значимость для разработки экономической политики и получение как можно более ранних результатов и понимания общих характеристик явления. Среди пионерных и наиболее крупных работ следует упомянуть, в первую очередь, исследование Высшей школы экономики и РСПП «Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие», проведенное во второй половине 2020 г. (Ответ российского бизнеса на пандемию..., 2021). Авторы провели 45 глубинных интервью с руководителями компаний и представителями крупнейших бизнес-ассоциаций. Материалы интервью были дополнены официальной статистикой по России и межстрановыми сопоставлениями для оценки российской специфики развития шести отраслей (автомобилестроение, хи-

мическая, фармацевтическая, розничная торговля, туризм и IT-сектор), предприятия в которых существенно отличаются друг от друга по характеру и факторам производства, моделям бизнеса, направленности и уровню интеграции, экспорта, уровню государственного регулирования и социальной чувствительности к результатам деятельности.

Внутренние процессы в бизнесе как реакция на кризис, вызванный COVID-19, стали предметом ежегодного обследования компании Deloitte СНГ «Опрос финансовых директоров ведущих компаний в России: Ключевые тенденции», проведенного в 1-й половине 2020 г.¹ Участниками опроса стали 76 финансовых директоров компаний в России, представляющих ключевые сектора экономики страны. Из опрошенных только 10 компаний принадлежали к среднему бизнесу. Сбор данных осуществлялся посредством проведения онлайн-анкетирования и личных интервью, а также был дополнен интервью с отраслевыми экспертами Deloitte.

Однако наиболее пострадавшими от текущего кризиса оказались именно МСП, которые стали объектом исследований сразу ряда работ, в которых нашли отражение межрегиональные различия в условиях ведения бизнеса, в том числе институциональной среде (Предпринимательство и институты..., 2018; Предпринимательские экосистемы..., 2019; Предпринимательская активность в России..., 2020; Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса..., 2021). При этом авторы опирались на большие массивы статистических данных, не позволяющие выяснить внутренние мотивы действий предпринимателей, а также вскрыть глубинные особенности взаимодействия компаний и региональных властей.

В связи с этим данное исследование представляет собой кейс Свердловской области, региона с дифференцированной экономикой, наличием крупной агломерации, развитой инфраструктурой и географической протяженностью с севера на юг с различной плотностью населения. Исследование также отличается от ранее проведенных тем, что в нем анализируются МСП в отраслях, которые наиболее представлены компаниями малого и среднего бизнеса, либо наиболее пострадавшие от кризиса. Опираясь на опыт ранее проведенных ис-

следований и учитывая результаты, полученные другими авторами, в данной статье поставлена нетривиальная задача — выяснить, какую роль играет региональный бизнес в реакции МСП на кризис и в какой мере малый и средний бизнес может собственными силами компенсировать недостатки региональной институциональной среды.

Внимание к региональному фокусу обусловлено тем, что в литературе по трансакционным издержкам на развивающихся рынках обнаружены различия в росте МСП в разных регионах экономики. В зависимости от институциональной среды МСП по-разному реагируют на стимулы, предоставляемые местным управлением. Особенно важен региональный аспект для стран с разнородной региональной и отраслевой структурой экономики (Местное управление и эффективность бизнеса во Вьетнаме..., 2017; Субсидии, поиск арендной платы и производительность..., 2016).

В литературе последних десятилетий (Модели финансирования по всему миру..., 2008; Какие институты поощряют стремление к предпринимательскому росту?, 2013) разрушается неявное предположение, что страновые институциональные конфигурации на развивающихся рынках оказывают однородное воздействие на сектор предпринимательства. Результаты показывают, что на эффективность бизнеса влияют как политика и нормативные акты регионального уровня, так и неформальные институты. Особенно важным выводом в контексте оценок предпринимателями эффективности мер господдержки и в целом системы взаимодействия с региональными властями является полученный Т. Мицкевичем и соавторами (2017) на данных Вьетнама вывод, что в конкретном регионе инициативность местного руководства положительно связана с ростом доходов местных МСП (Местное управление и эффективность бизнеса во Вьетнаме..., 2017).

Сравнительное исследование Р. Айдис, С. Истрина и Т. Мицкевича (Институты и развитие предпринимательства в России..., 2008), построенное на данных GEM показало, что институциональная среда в России играет важную роль в объяснении относительно низкого уровня развития предпринимательства в стране. Развивая концепцию В. Баумоля (Баумоль, 1990) и Д. Норта (Институты, институциональные изменения..., 1990; Норт, 2005) о тесной взаимосвязи институтов и предпринимательства, авторы протестировали гипотезу о возможном влиянии сетей на развитие

¹ Опрос Deloitte финансовых директоров ведущих компаний в России — 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/CFO-Survey-Apr-2020.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

предпринимательства в России. Сети могут поддерживать предпринимательство, а на развивающихся рынках могут компенсировать институциональную слабость (Йоханссон, 2000; Веселов, 2013).

Особую роль в сетевом взаимодействии предпринимателей играют бизнес-ассоциации, внимание к исследованию которых началось с работ М. Олсона (Олсон, 1965; Олсон, 1982). Эмпирические исследования обнаружили различия в эффектах от деятельности бизнес-ассоциаций в странах с разным уровнем развития: от негативных для инвестиций в развитых странах (Хекельман, 2007) до институтов, поддерживающих рынок и институтов, дополняющих рынок, в развивающихся странах (Бизнес-ассоциации и экономическое развитие..., 2000). Для развитых стран выявлена возможность создания бизнес-ассоциациями «общественных» благ, нацеленных не только на устранение «провалов рынка», но и на налаживание взаимодействия с государством в области отраслевого развития (Баланс целей здравоохранения и промышленной политики..., 2008).

Поскольку предприятия в развивающихся странах сталкиваются с различными типами барьеров для ведения бизнеса, такими как ограничения доступа к капиталу, неэффективные институты, высокий уровень коррупции, менее конкурентные рынки и нестабильная бизнес-среда, бизнес-ассоциации должны выполнять специфические функции (Бизнес-ассоциации и экономическое развитие..., 2000).

В России исследования бизнес-ассоциаций проводились в основном применительно к крупному бизнесу, либо преимущественно крупному (Бизнес-ассоциации и их роль в процессах..., 2011; Казун, 2015; «Подснежники», или незаменимые посредники..., 2011). Наше исследование вносит вклад в развитие анализа роли бизнес-ассоциаций с точки зрения взаимодействия региональных властей и предпринимательства в условиях высокой неопределенности.

Влияние государства на формирование и выживаемость МСП в регионе может быть раскрыто через анализ институциональной среды (Институциональные факторы, предпринимательство возможностей..., 2016). При этом разные аспекты взаимодействия государства и бизнеса относятся к формальным (административные барьеры, налогообложение, государственная политика, процедуры и помощь) и неформальным (восприятие уровня коррупции, восприятие государственной поли-

тики и установленных законов) институтам (Предпринимательство и институты..., 2018). Институты на местном, региональном и национальном уровнях связаны с деловой средой. С помощью индекса экономической свободы мира Института Фрейзера (EFW) было обнаружено, что повышение качества институтов на 1 % увеличивает ВВП на душу населения на 1,7 %, спустя 6 лет (Гоес, 2015). EFW включает в компоненты, отражающие уровень национальных институтов (надежность правовой системы, денежно-кредитная стабильность, бремя регулирования, размер правительства и свобода международной торговли). Денис Коутс предложил рассматривать роль государства в экономическом развитии (Экономическая свобода..., 2017; Показатели деятельности фирм..., 2020) с точки зрения экономической свободы (Экономическая свобода..., 2017; Показатели деятельности фирм..., 2020). Экономическая свобода описывает степень вмешательства государства в региональное экономическое развитие и измеряется индексом, который основан на тех аспектах экономики и экономической политики, которые находятся под контролем региональных руководителей. Эмпирические результаты свидетельствуют, что экономическая свобода значительно повышает рентабельность фирм, успех инвестиционных возможностей и ожидания инвесторов. Кроме того, положительный эффект экономической свободы может отличаться в зависимости от региона (Показатели деятельности фирм..., 2020). Д. Коутс с соавторами построили региональный индекс экономической свободы для России и обнаружили, что экономическая свобода в регионах положительно и статистически значимо влияет на экономический рост и предпринимательскую активность (Экономическая свобода..., 2017).

Методология

Ответ компаний на кризисные явления в экономике зависит от ее стратегии, целей установок и ресурсных возможностей. В то же время действия компании ограничиваются со стороны внешней среды спросом потребителей, условиями конкуренции, институциональной средой и могут быть скорректированы мерами государственной поддержки. Эти факторы являются преимущественно ненаблюдаемыми, сложно измеряемыми и, как правило, обсуждаются только в качественных исследованиях. Таким образом, научная проблема данного исследования с мето-

дологической стороны заключается в преодолении эндогенности.

Методология нашего исследования предполагает комбинирование различных методов сбора и анализа количественных и качественных данных в рамках исследовательского кейса. Подход с использованием данных одного региона как кейс-стади был использован в статье Хана и др. (Влияние государственной поддержки..., 2020) для исследования влияния государственной поддержки на развитие МСП. В основу данного исследования положены принципы, разработанные для анализа экономического поведения предприятий сотрудниками Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ (Долгопятова, 2012; Введение: Российские фирмы..., 2017).

Кейс-стади основаны на опросе руководителей или собственников МСП Свердловской области¹ и анализе отраслевых отчетов (включая показатели макроуровня в России и региональные данные), данных финансовой отчетности предприятий с использованием баз данных СПАРК и Единого реестра субъектов МСП. Опрос проводился в период с марта по июнь 2021 г., поэтому отразил вызовы для дальнейшего развития предприятий и ожидаемые тенденции этого развития.

Для опроса выбран метод полуструктурированного интервью. Метод позволяет перенести результаты, полученные на небольшом количестве респондентов, на большие группы, хотя трудности экстраполяции сохраняются. Метод поддерживает реалистичность представления о происходящем в компании, отрасли и на конкретной территории.

Сценарий интервью включал общую информацию о деятельности предприятия (отрасль, размер, дату основания, юридический статус и принадлежность к интегрированным структурам, пол и возраст руководителя). Вторым крупным блоком вопросов стала реакция предприятия на ограничения, введенные в связи с пандемией, а также изменения в бизнес-моделях предпринимательских фирм. Интервьюерам задавались вопросы об изменении ценностного предложения, взаимоотношении с поставщиками, потребителями, конкурентами, изменении финансовых ресурсов. В частности, интервьюеры выясняли, изменилась ли инвестиционная и инновационная деятельность и практика применения цифро-

вых технологий. Два завершающих блока вопросов касались оценки мер государственной поддержки МСП, оказанных в период пандемии, ожиданий по поводу характера взаимодействия с региональными властями в краткосрочной перспективе, а также участия предпринимателей в сетевом взаимодействии и бизнес-ассоциациях в кризисный период.

Материалы интервью дополнены данными официальной статистики по субъектам МСП в России, ежегодных статистических отчетов «Регионы России. Социально-экономические показатели», баз данных СПАРК и Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, отчетов консалтинговых компаний.

Для оценки влияния участия региональных властей в экономике региона на развитие предпринимательского сектора в Свердловской области был рассчитан индекс экономической свободы за период с 2002 г. по 2020 г. по методике, предложенной в работе Д. Коутса (Экономическая свобода..., 2017), включающий субиндексы «размер правительства» и «свобода рынка труда». Субиндекс «размер правительства» состоит, в свою очередь, из трех компонент:

— «государственные расходы», рассчитанный в проценте от регионального дохода;

— «трансферты и субсидии», который с равными весами охватывает расходы регионального правительства на субсидии, рассчитанные с учетом региональных расходов на социальную поддержку в процентах от регионального дохода, долю домохозяйств, получающих трансферты и субсидии, в процентах от всех домохозяйств региона, долю домохозяйств, получивших государственное жилье, в процентах от введенного в строй государственного жилья;

— «государственные предприятия и инвестиции», который охватывает с равными весами долю прямых инвестиций государственных предприятий и предприятий со смешанной собственностью в процентах от общего объема инвестиций в регионе и инвестиций, финансируемых региональным правительством, в процентах от общего объема инвестиций в регионе.

Субиндекс «свобода рынка труда» для регионального индекса состоит также из трех компонент:

— региональная минимальная заработная плата для государственных организаций в процентах от заработной платы на душу населения;

¹ Опрос проведен при поддержке Министерства инвестиций и развития Свердловской области и Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства.

— региональная минимальная заработная плата для частных предприятий в процентах от заработной платы на душу населения;

— количество государственных служащих из всех ветвей регионального правительства в процентах от общей занятости в регионе.

Все данные взяты из общедоступных источников и собираются на ежегодной основе.

Все компоненты индекса преобразуются в стандартизированные баллы по следующей формуле:

$$R_{it} = \frac{V_{\max} - V_i}{V_{\max} - V_{\min}} 10, \quad (1)$$

где R_{it} — стандартизированный балл для региона i за период t ; V_i — фактические наблюдения; $V_{\max}$ — среднее плюс два стандартных отклонения по всем наблюдениям для каждой переменной в каждом периоде; $V_{\min}$ равняется либо среднему минус два стандартных отклонения по всем наблюдениям для каждой переменной в каждом периоде, либо нулю, если это число отрицательное.

В результате все компоненты были одинаково взвешены для формирования соответствующих областей экономической свободы. Эти области в равной степени взвешены для формирования общего регионального индекса экономической свободы, значения которого варьируются от нуля до 10, где 0 — наименьший уровень свободы в регионе. Баллы отражают распределение базовых данных для конкретного региона в сравнении с данными по всем остальным регионам страны.

Более высокое значение индекса означает более высокую степень экономической свободы и более развитые институты. Более низкий индекс показывает большее вмешательство. Основываясь на этом, будет протестирована гипотеза:

H1: чем больше индекс экономической свободы региона, тем выше число зарегистрированных субъектов МСБ.

В работе оценена следующая эконометрическая модель:

$$SME_t = \alpha + \beta_1 X_t + \beta_2 Controls_t + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где SME_t — один из показателей численности субъектов МСП в Свердловской области в году t ; X_t — индекс экономической свободы в Свердловской области в году t ; $Controls_t$ — вектор контрольных переменных (табл. 1).

В качестве показателей развития МСП в регионе использованы плотность МСП в регионе, число субъектов МСП суммарно и отдельно для ИП и юридических лиц, так как мо-

тивы учреждения этих форм могут быть разными. Объясняющей переменной в модели является индекс экономической свободы, рассчитанный по описанной выше методике. Среди контрольных переменных, отражающих особенности регионального экономического развития, использованы валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, уровень концентрации бизнеса как доля городского населения, неравенство доходов населения региона как коэффициент Джини. Также условия ведения бизнеса в регионах контролируются с помощью индекса инвестиционного климата, разработанного Российским экспертным агентством (РАЕХ). Уровень нестабильности в регионе оценивается индексом потребительских цен и показателем безработицы. Среднедушевой доход населения и финансовый результат организаций используются как показатели, влияющие на формирование ожиданий предпринимателей. Ненаблюдаемые макроэкономические эффекты контролируются путем включения в модель годовых фиктивных переменных.

Наличие связи между предпринимательской активностью в Свердловской области и вмешательством регионального государства в экономику региона протестировано с помощью регрессионного анализа по методу МНК. Для оценки устойчивости моделей были использованы следующие тесты: Breusch-Pagan / Cook-Weisberg тест на гетероскедастичность в МНК и коэффициент дисперсии инфляции (VIF) для выявления наличия проблемы мультиколлинеарности.

Данные

Экономика Свердловской области диверсифицирована, но основную долю в ВРП (31 %) занимают обрабатывающая промышленность, на втором месте оптовая и розничная торговля (17 %), тройку замыкает транспортировка и хранение (9 %). В поселенческой структуре преобладает городской тип (85 % жителей области являются горожанами), что связано с историей промышленного освоения Урала. Свердловская область занимает 5-е место среди регионов России по количеству жителей, 4-е — по количеству зарегистрированных компаний, 6-е — по выручке и 8-е — по прибыли¹.

Для опроса были отобраны отрасли экономики Свердловской области, где наибо-

¹ По данным за 2020 год СПАРК-Интерфакс (Компани Свердловской области // Интерфакс. СПАРК. URL: <https://www.spark-interfax.ru/statistics/region/6500000000> (дата обращения: 01.12.2021)).

Таблица 1

Описание переменных эконометрической модели

Table 1

Variables description of the econometric model

Переменная	Определение	Предполагаемый характер взаимосвязи	Примеры теоретических исследований, на которых основан выбор переменной
<i>Зависимые переменные</i>			
<i>DENSITYSMЕ</i>	Число субъектов МСП в Свердловской области на тыс. чел. рабочей силы в регионе	Зависимая переменная	Djankov, Ganser, McLiesh, Ramalho, Shleifer, 2010.
<i>LNSME</i>	Линейный логарифм от числа субъектов МСП в Свердловской области	Зависимая переменная	Земцов, Михайлов, 2021
<i>LNSMEIE</i>	Линейный логарифм от числа субъектов МСП ИП в Свердловской области	Зависимая переменная	Авторская разработка
<i>LNSMELE</i>	Линейный логарифм от числа МСП ЮЛ в Свердловской области	Зависимая переменная	Авторская разработка
<i>Объясняющая переменная</i>			
<i>EFI</i>	Региональный индекс экономической свободы, балл от 0 до 10	Положительный	Coates, Mirkina, Moorthy, 2017
<i>Контрольные переменные</i>			
<i>LnGRPpc</i>	Линейный логарифм от валового регионального продукта на душу населения, млн руб.	Положительный	Roper, Jun, Love, 2008; Arnold, Hussinger, 2010
<i>Urbanization</i>	Процент от общей численности населения региона, проживающего в городах, %	Положительный	Balbontin, Hensher, 2018; Beuselinck et al. 2017; López-Bazo, Elisabet 2017
<i>lnIncomepc</i>	Линейный логарифм от среднедушевых денежных доходов (в месяц), руб.	Положительный	Земцов, Михайлов, 2021
<i>Unemployment</i>	Число безработных, деленное на рабочую силу, %	Отрицательный	López-Bazo, Elisabet 2017; Баринова, Земцов, Царева, 2018
<i>CPI</i>	Средняя разница между двумя конкретными периодами в ценах на продукты, потребляемые домашними хозяйствами, %	Отрицательный	Djankov, Ganser, McLiesh, Ramalho, Shleifer, 2010.
<i>Saldo</i>	Сальдированный финансовый результат организаций СО, млрд руб.	Положительный	Авторская разработка
<i>Ginny</i>	Региональный коэффициент Джинни	Отрицательный	Beuselinck et al. 2017; López-Bazo, Elisabet, 2017 Bykova, Coates, 2020
<i>IIP</i>	Региональный инвестиционный потенциал в процентах от общего инвестиционного потенциала России, рассчитанный РА «Эксперт» %	Положительный	Bykova, Coates, 2020
<i>Years</i>	Бинарные переменные года	Контроль	Gugler, Mueller, Burcin, 2003; Miletkov, Poulsen, Wintoki, 2017

лее представлены МСП, либо отрасли, в наибольшей степени пострадавшие от ограничений, связанных с пандемией коронавируса. Так, на оптовую и розничную торговлю приходится 37 % от общего числа зарегистрированных в области субъектов МСП, на строительство — 22 %, на транспортировку и хранение — 13 %, обрабатывающую промышленность — 8 %, на общественное питание — 7 %, аренду недвижимости — 6 % и прочие услуги — 7 %¹.

¹ По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС РФ (Статистика для на-

Из 41 МСП выборки по 5 компаний приходится на оптовую и розничную торговлю, АПК, общественное питание, по 6 компаний на предприятия индустрии красоты, строительство и физическую культуру и спорт, по 4 компании представили обрабатывающую промышленность и культурно-развлекательную деятельность. Из них 10 средних предприятий, 14 малых компаний и 17 микрофирм.

ционального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 10.11.2020).

Территориальная структура выборки для опроса представителей МСП Свердловской области

Table 2

Territorial structure of the sample

Город	Население в 2020 г., тыс. чел.	Доля в ВРП по выручке за 2020 г., %	Число МСП в выборке
Екатеринбург	1370	65,97	20
Нижний Тагил	351,6	6,49	4
Верхняя Пышма	74,2	6,27	3
Ревда	60,7	1,66	1
Красноурьинск	59,7	0,3	5
Верхняя Сысерть	40,3	0,37	2
Североуральск	40,3	0,27	1
Богданович	29,2	0,25	2
Заречный	28,17	0,24	1
Карпинск	27,6	0,06	1
Нижняя Тура	20,7	0,01	1
ИТОГО			41

Территориальная структура выборки представлена в таблице 2.

МСП выборки ведут свою операционную деятельность в разных городах Свердловской области, хотя большинство компаний расположено в областном центре — городе Екатеринбурге, 4-м по численности населения в России городе. Екатеринбург является не только административным, но деловым и финансовым центром. В нем на 2020 г. проживало 35,61 % населения области, зарегистрировано 67,1 % юридических лиц и 48,52 % всех индивидуальных предпринимателей¹. Поэтому выборка опрошенных субъектов малого и среднего предпринимательства смещена в сторону города Екатеринбурга. В то же время опрос охватил отдаленные районы области и города с низкой деловой активностью населения (табл. 2).

Расчет индекса экономической свободы проведен по 76 субъектам Федерации, для которых были доступна статистика за весь период 2002–2020 гг. Данные для расчета компонента «Размер правительства» были взяты из ежегодных статистических отчетов «Регионы России. Социально-экономические показатели» и ЕМИСС ФССР. Данные о минимальной заработной плате были собраны из материалов Федеральной службы по вопросам труда и занятости и региональным соглашениям о минимальной заработной плате на 2002–2020 гг. (Система правовой информации «Гарант»).

¹ По данным за 2020 год СПАРК-Интерфакс (Компании Свердловской области // Интерфакс. СПАРК. URL: <https://www.spark-interfax.ru/statistics/region/65000000000> (дата обращения: 01.12.2021)).

Результаты

1. Факторы, ограничивавшие развитие МСП в выбранных отраслях, и реакции бизнеса

Деловая активность малого и среднего бизнеса в Свердловской области в 1 квартале 2020 г. составила 50,6 п., согласно «индексу RSBI» (Опора России), что интерпретируется как рост деловой активности (7-е место в стране) при среднем значении по России 48,6 п.² Несмотря на то, что численность субъектов МСП постоянно корректируется с учетом завершения процедур банкротств и обновления данных Единого реестра субъектов МСП, после резкого сокращения числа МСП к августу 2020 г., сравнение годовых показателей ноябрь 2020 г. и ноября 2021 г. показывает, что показатель численности МСП³ сохранился на прежнем уровне, что свидетельствует о восстановительных процессах (рис. 2).

В текущей ситуации, когда Россия столкнулась с новыми международными санкциями и с разрывом цепочек поставок, анализ механизмов и форм адаптации предприятий к резкому изменению условий их жизнедеятельности в 2020 г. может помочь в выработке антикризисной политики, как на уровне фирм, так и на уровне правительства.

Факторы, которые снизили предпринимательскую активность и доходность малого

² Результаты Индекса деловой активности малого и среднего бизнеса RSBI за 09 202. [Электронный ресурс]. <https://opora.ru/upload/iblock/ec5/ec51f6199b062e6a88cbe6b31dfed34c.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

³ По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС РФ [Электронный ресурс]. <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 01.12.2021).

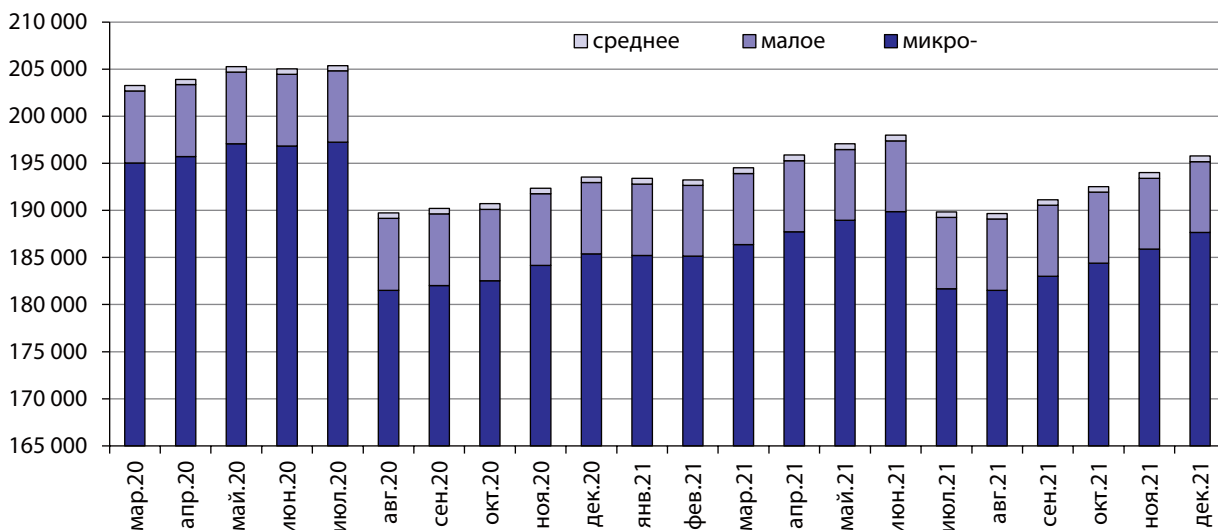

Рис. 2. Динамика числа субъектов МСП Свердловской области с марта 2020 г. по декабрь 2021 г. по размеру предприятий (по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС РФ)

Fig. 2. Dynamics of the number of SMEs in Sverdlovsk oblast from March 2020 to December 2021 by enterprise size

Таблица 3

Ключевые факторы, ограничивавшие развитие секторов МСП в 2020 г.

Table 3

Key factors restricting the development of SME sectors in 2020

Фактор	Сектор МСП							
	оптовая и розничная торговля	строительство	общественное питание	индустрия красоты	физическая культура и спорт	АПК	культура и индустрия развлечений	обрабатывающая промышленность*
Рост затрат, связанных с санитарными требованиями	+		+	+	+		+	
Ограничение миграционных потоков и дефицит рабочей силы		+				+	+	
Падение реальных доходов населения			+	+	+			
Рост цен на импорт		+		+		+	+	+
Рост логистических рисков из-за ограничений на поставку импортных комплектующих						+		+
Переход сотрудников в самозанятые или «в тень»				+				
Рост концентрации производства в отрасли	+		+	+				

* Из-за разнообразия видов экономической деятельности внутри группы обрабатывающих производств отмечены только наиболее общие факторы.

Составлено авторами на основании результатов интервью.

и среднего бизнеса, связаны, в первую очередь, с сокращением и изменением структуры спроса, падением реальных доходов населения, ограничениями на трансграничные операции и растущей концентрацией рыночной власти (табл. 3).

Мерами по адаптации бизнеса к кризисным условиям стали изменения бизнес-мо-

делей в части взаимодействия с клиентами и ценностного предложения, что является ответом на изменения в спросе. Важным шагом в сторону устойчивости бизнеса стали сетевизация бизнеса и широкое внедрение цифровых технологий. Последнее направлено на взаимодействие с клиентами, снижение затрат производства и изменение ценностного предложе-

Типовые решения по изменению бизнес-процессов и бизнес-моделей компаний в ответ на вызовы пандемии
Table 4

Standard solutions for changing business processes and models of companies in response to pandemic challenges

Типовое решение	Формы реализации
Концентрация на затратах	Сокращение площадей, удешевление продуктовой линейки, ускорение производственных процессов, использование более дешевых компонентов, секвестирование необязательных расходов, сокращение запасов и отложенных инвестиций, поиск новых поставщиков, обеспечивающих более низкие затраты
Изменение ценностного предложения	Использование открытых пространств вместо закрытых помещений, акцент на региональном контексте пользовательского опыта, акцент на безопасности; пакетные предложения
Изменение формата предприятия	Сетевое взаимодействие внутри одной отрасли, создание сетей с компаниями из других отраслей, развитие доставки товаров
Усилия по повышению лояльности потребителей	Акции, кастомизация товаров или услуг
Удержание персонала	Гибкие формы контрактов, осознанный перевод части персонала в категорию ИП или в категорию самозанятых с последующим заключением договора на оказание услуг
Цифровизация бизнеса	Использование гибридного или онлайн-формата предоставления услуг, электронная коммерция, внедрение цифровых технологий в коммуникации с потребителем, поставщиками и внутри организации
Локализация производства	Использование местных разработок, комплектующих

Составлено авторами на основании результатов интервью.

ния. Усилия по удержанию персонала связаны с отмечавшейся ранее тенденцией перехода сотрудников в категорию самозанятых и в теневой сектор (табл. 4).

Восстановление регионального бизнеса в секторе МСП идет неравномерно и зависит от отраслевой специфики и вызовов, с которыми столкнулся бизнес. Так, за 9 месяцев 2021 г. рост товарооборота в Свердловской области составил 101,3 % к соответствующему периоду предыдущего года, поскольку восстановление началось еще в 2020 г. Зато испытывавшие шоковые падения спортивные учреждения и индустрия красоты демонстрируют прирост за 9 месяцев этого года в 111,7 % и 117,6 % соответственно. В целом товарооборот предприятий общепита восстановился несущественно (101 % за 9 месяце 2021 г.), но по сегменту ресторанов, кафе, баров рост составил 121,1 %. Рост в строительстве (117,7 % за 9 месяцев 2021 г.) и особенно в жилищном строительстве (135,4 %) обусловлен не столько восстановлением, сколько государственной поддержкой в рамках реализации программы «Доступное жилье» и традиционно крупными потоками инвестиций со стороны промышленных предприятий в регионе. Агробизнес, привыкший к разнообразию программ государственной поддержки до кризиса, сохранил свои позиции, но также столкнулся с изменением структуры спроса со стороны потребителей. Производство продукции животноводства в хозяйствах всех

категорий в январе — сентябре 2021 г. в % к январю — сентябрю 2020 г. по Свердловской области по отдельным категориям составило: мяса — 91,7 %, молока — 98,2 %, яиц — 105,3 %. На конец 2021 г. производство молочной продукции вошло в 10 самых популярных ОКВЭД среди субъектов МСП. С 2021 г. растет экспорт сельхозпродукции (масложировая продукция, живые цыплята, мясо и мясные субпродукты, кондитерские изделия, овощи и некоторые пищевые корнеплоды, инкубационные яйца). Промышленность Свердловской области оказалась более успешна по итогам 2020 г., чем в среднем по России. Компании продемонстрировали рост в 1,2 % по сравнению с 2019 г., в то время как выпуск по РФ за 2020 г. составил 96,9 % к предыдущему году. Это во многом объясняется диверсифицированной структурой и промышленной специализацией региона. Опрошенные нами предприниматели представили 4 отрасли (производство автотранспортных средств (+2,7 %), полиграфия (+43,4 %), пищевая промышленность (–6,5 %) и производство одежды (+5,5 %), три из которых продемонстрировали рост. Респондентов не коснулись геополитические риски 2020 г. и в наименьшей степени компании пострадали от санитарных ограничений. Однако предприниматели отметили важность локализации ГЦСС как важный тренд уже 2022 г., связанный, в первую очередь, с нарушением международных поставок. Для производителя пи-

щевой продукции существенным ограничением выступило снижение реальных доходов населения.

И хотя санирующее влияние кризиса проявляется в том, что с рынка уходят отстающие по производительности компании, а также наиболее неустойчивые — молодые компании (до 3 лет существования), предыдущие кризисы уже вывели с рынка нерентабельных производителей. В связи с этим сокращение числа предприятия оказалось не столь драматичным. Все эксперты и респонденты сходятся во мнении, что ускоренная адаптация компаний к кризису произошла во многом благодаря цифровизации. Кроме того, важным фактором устойчивости бизнеса стала локализации глобальных цепей поставок.

Умеренное снижение показателей предпринимательского сектора к концу 2021 г. было связано со структурными особенностями экономики: относительно низкая доля сектора услуг и высокая доля крупных предприятий базовых отраслей, в наименьшей степени пострадавших от кризиса. Ориентированная на производство товаров структура экономики оказалась амортизатором кризисного падения. Однако важно учитывать, что гораздо менее болезненные последствия кризиса 2020 г. для предпринимательского сектора во многом предопределялись опытом прохождения через кризис 2014–2015 гг., который был накоплен как фирмами, так и органами власти. Отечественные предприниматели умеют быстро учиться. За десятилетия пореформенного развития они выработали готовность жить в условиях неопределенности. Но уроки прошлого усвоили не только бизнес, но и государство. А кроме того, государство научилось выработать антикризисные меры по поддержке бизнеса в диалоге с ним, а не отдельно от него.

2. Роль самоорганизации предпринимателей в повышении устойчивости МСП региона в условиях кризиса

Интервью, которые дали в рамках упомянутого ранее опроса руководителей и собственников МСП Свердловской области, позволили выявить особую роль, которую сыграли формальные и неформальные объединения предпринимателей в кризис. В тексте статьи приводятся цитаты респондентов.

В случае, когда компании не видели достаточной поддержки со стороны государства, они старались организовывать спонтанные сети, либо активно использовать существующие бизнес-ассоциации. Так, представители

бьюти-индустрии заявили, что в период жестких ограничений и большой неопределенности им удалось сплотиться в неформальные группы, а также активно участвовать в работе отраслевых союзов. Общероссийская Ассоциация предприятий индустрии красоты, которая находилась в тесной связи с региональным правительством и стала «голосом всех предприятий индустрии в период пандемии». Помимо этого, региональные МСП сектора назвали «большим игроком по части установления и поддержания контакта между бизнесом и властью» комитет индустрии красоты при региональном отделении Опоры России, взаимодействующий с комитетом по организации бытового обслуживания населения Администрации города Екатеринбурга. Предприниматели заявили о значимой роли Ассоциации операторов фитнес-индустрии (АОФИ) в период «переживания» ограничительных мер. Ассоциация выступила площадкой, на которой бизнесмены делились опытом и могли сплотиться для разрешения возникших трудностей и дальнейшего развития. Активное участие в «Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов» как экспертной и коммуникационной площадке отметили респонденты из АПК. В креативных индустриях из-за различной отраслевой принадлежности нет зарегистрированных бизнес-ассоциаций, но неформальные сетевые взаимодействия усилились. В целом же респонденты охарактеризовали отраслевые бизнес-ассоциации как «проводников во взаимоотношениях между бизнесом и региональным правительством».

Всего на территории Свердловской области действует более 30 отраслевых союзов, в том числе Свердловский областной союз промышленников и предпринимателей (СОСПП), являющийся региональным объединением РСПП. СОСПП, объединяя 15 бизнес-ассоциаций и компаний из разных отраслей и разных масштабов бизнеса, в большей степени ориентирован на представление интересов крупнейших компаний региона. Самое большое число отраслевых союзов — 14, объединяют предприятия обрабатывающей промышленности в силу множества видов экономической деятельности. Далее по числу союзов следует строительство с саморегулируемыми организациями. Но они выступают скорее в роли формализованного допуска к ведению профессиональной деятельности. Опрошенные представители промышленности и строительства не упоминали отраслевые союзы как форму взаимодействия с региональными властями или в качестве канала комму-

никаций между предприятиями. Ни один респондент не упомянул о Некоммерческом партнерстве «Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области».

Сетевое взаимодействие предпринимателей в малых городах возникло по географическому признаку без привязки к сферам деятельности. Эти группы носили преимущественно информационный характер для отслеживания изменений законодательства и мер государственной поддержки, возникали спонтанно. Самоорганизация помогла компаниям снизить риски и наладить кооперацию в использовании ресурсов.

Взаимодействие внутри предпринимательского сектора региона в кризис усилилось, как по каналам спонтанного взаимодействия, так и через активно действующие отраслевые ассоциации. Оно сыграло двойную роль в повышении устойчивости МСП в период кризиса: роль дополнительного коммуникационного канала во взаимодействии с органами региональной власти и роль заместителя формальных институтов поддержки (информационной, обмен ресурсами) в условиях их недостаточности.

3. Реакции МСП региона на меры поддержки и усиление роли региональных властей в устойчивости МСП к кризисным явлениям

Предприниматели Свердловской области, принявшие участие в обследовании, были единодушны в позитивных оценках действий государства на федеральном и региональном уровнях. Во многом причина эффективности мер господдержки объясняется тем, что государством были выучены уроки предыдущих кризисов. Еще в 2016 г. на федеральном уровне была принята Стратегия развития МСП до 2030 года с целью увеличения доли МСП в ВВП с 20 % до 40 %. В дорожную карту реализации вошли меры, предполагающие развитие инфраструктурных механизмов, облегчение доступа к кредитным и лизинговым программам, привлечение МСП к участию в госзакупках, а также предоставление грантов для инновационного развития.

В период кризиса органы государственной власти стали применять беспрецедентные меры поддержки малого и среднего бизнеса. Пакет поддерживающих мер предполагал приостановку проверок, продление сроков сдачи отчетности, перенос сроков уплаты налогов и страховых взносов, освобождение от уплаты налогов и взносов на II квартал 2020 г. Дополнительные меры были разра-

ботаны для наиболее пострадавших отраслей — отсрочка платежей за аренду недвижимости, защита от банкротства, льготный кредит на выплату заработной платы, безвозмездная финансовая помощь из бюджета, продление некоторых разрешительных документов. Перечисление средств населению для стимулирования спроса также поддержало МСП.

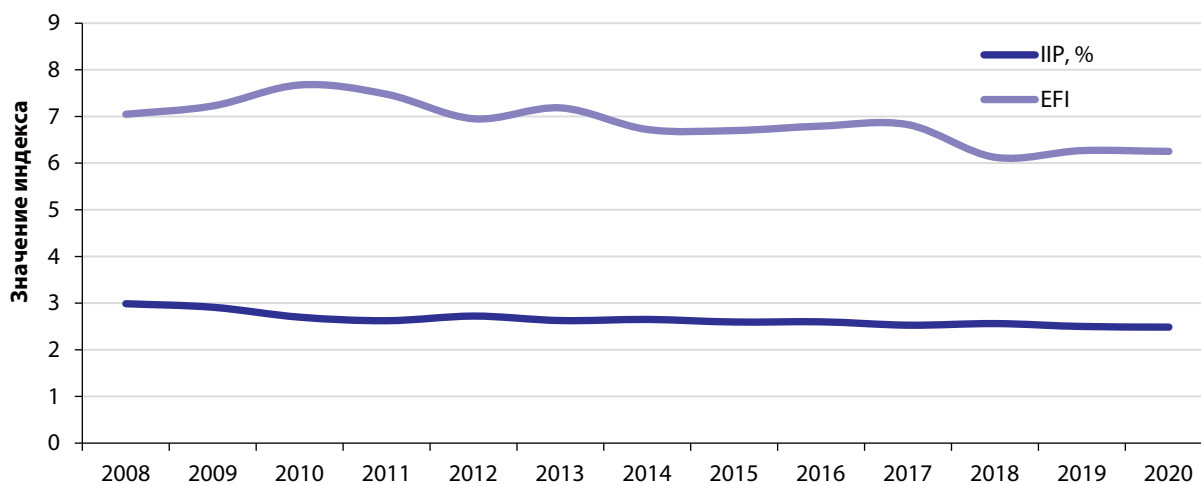
Регионы синхронно вводили схожие ограничительные меры в конце марта и начале апреля 2020 г., но региональные меры поддержки бизнеса оказались достаточно разнообразными. Например, налоговые льготы варьируются от снижения ставок для малого бизнеса в рамках УСН до комплексной системы снижения ставок по различным налогам (налог на прибыль, налог на имущество организаций, транспортный налог) для предприятий из пострадавших отраслей.

Ко всем федеральным мерам господдержки в Свердловской области были введены региональные меры:

- отсрочка уплаты арендных платежей по договорам аренды недвижимого имущества;
- отсрочка уплаты платежей по договорам на установку и эксплуатацию рекламных конструкций до 31.12.2021;
- отмена пеней по договорам купли-продажи недвижимого имущества до 31.12.2021;
- льготные займы на открытие нового бизнеса (58 тыс. руб.), для существующего бизнеса (кредит для бизнеса возрастом не менее 6 месяцев под ставку 2,125 % размером 100–500 тыс. руб. на срок до 24 месяцев и под ставку 4,25 % годовых на сумму не более 300 тыс. руб. на срок до 12 месяцев);
- государственная социальная помощь на основании социального контракта.

Важной особенностью этого кризиса стала ориентированность поддержки на наиболее устойчивый бизнес, сохранивший свои трудовые коллективы (требования сокращения не более 10 % сотрудников). Впервые меры поддержки были направлены на сектора, нуждающиеся в поддержке, и устойчивые компании, в отличие от слабых и сокращающихся компаний. Портфель мер поддержки был эффективен и оперативен. «Вертолетные деньги» были скромными, но они поддержали покупательскую активность населения в самое трудное время.

Независимо от отраслевой принадлежности компаний респонденты отметили непривычную для них легкость в получении мер господдержки, направленных на преодоление кризисных мер: простоту и удобство оформления

Рис. 3. Динамика индексов экономической свободы (EFI) и инвестиционного потенциала РА «Эксперт» (IIP) для Свердловской области с 2008 г. по 2020 г. (источник: составлено авторами)

Fig. 3. Dynamics of economic freedom indices (EFI) and investment potential of RA Expert (IIP) for Sverdlovsk oblast from 2008 to 2020

запросов, решение части вопросов в автоматическом режиме без предоставления дополнительной документации и присутствия компаний, помощь органов государственной власти в подготовке документов, широкую разъяснительную работу о возможностях получения господдержки. Кроме того, респонденты высоко оценили качество работы Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства (СОФПП). Однако в разных городах предприниматели говорили о разной степени информированности о господдержке и связывали это с качеством работы муниципальных властей.

Бизнесмены считают, что «в первую очередь для успешного ведения бизнеса от государства необходим не возрастающий надзор и контроль над деятельностью, а больше возможностей, инструментов для финансирования бизнеса». Роль региональных властей как условие выживания малого и среднего бизнеса в кризисный период возросла, однако предприниматели опасаются, что требования регулятора могут быть быстро восстановлены сразу после острой фазы кризиса, когда компании еще не успеют оправиться от последствий спада в экономике.

4. Оценка влияния участия региональных властей в экономическом развитии региона на активность малого и среднего бизнеса в Свердловской области

Степень вмешательства региональных органов власти в экономику Свердловской области имеет тенденцию к возрастанию в последнее десятилетие. Индекс экономической свободы для Свердловской области сокращался с 2010 г. — периода восстановления после кризиса 2008 г., и затормозил свое падение

в 2020 г., кризисном году. Торможение в последний анализируемый год отражает поворот органов власти субъекта федерации к созданию рыночных условий хозяйствования и ослабления контрольной функции для поддержания устойчивости предпринимательского сектора (рис. 3). Для сравнения приведен индекс инвестиционного потенциала, рассчитанный РА «Эксперт»¹, который также демонстрирует негативную динамику на 13-летнем интервале.

Плотность и общая численность субъектов МСП в регионе оказались не чувствительны к уровню вмешательства регионального государства в экономику Свердловской области. Выдвинутая в методологической части исследования гипотеза в отношении предпринимательской активности, измеренной общей численностью МСП в регионе, не нашла подтверждения. Но при оценке взаимосвязи участия региональных властей в экономическом развитии Свердловской области, измеренного индексом экономической свободы, отдельно с численностью ИП и юридических лиц получились любопытные результаты.

Открытие бизнеса индивидуальными предпринимателями выполняет, в первую очередь, социальную функцию альтернативной занятости, так как позитивно связано с ростом безработицы и неравенства доходов в регионе. ИП, ориентированные, в первую очередь, на сегмент B2C зависят от реальных доходов населения (положительная связь с личными доходами и отрицательная с ИПЦ). В то же время рост числа зарегистрированных ИП на оказался не связан с инфраструктурными возмож-

¹ Для сопоставления данные приводятся с момента начала расчета RAEX.

Таблица 5

Факторы, влияющие на предпринимательскую активность в форме ИП в Свердловской области

Table 5

Factors affecting entrepreneurial activity of individual entrepreneurs in Sverdlovsk oblast

	(1)	(2)	(3)
VARIABLES	LNSMEIE	LNSMEIE	LNSMEIE
<i>lnIncomepc</i>	1.095** (0.491)	0.541* (1.013)	1.002* (0.563)
<i>EFI</i>	-0.541** (0.145)		-0.472* (0.167)
<i>Urban</i>	0.306 (0.389)	0.620 (0.915)	0.463 (0.430)
<i>Unemp</i>	0.218* (0.0787)	0.0294 (0.115)	0.226* (0.0960)
<i>CPI</i>	-0.0741*** (0.0122)	-0.0442* (0.0178)	-0.0590** (0.0117)
<i>Ginny</i>	27.92* (10.76)	15.99 (21.52)	35.63* (12.31)
<i>IIP</i>		1.071 (1.248)	
<i>LnGRPpc</i>			0.933 (0.570)
<i>Constant</i>	-34.63 (34.03)	-55.99 (81.34)	-53.77 (36.66)
Годовые дамми	контроль		

Примечание: Стандартные ошибки приведены в скобках
*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Факторы, влияющие на предпринимательскую активность в форме юридических лиц в Свердловской области

Table 6

Factors affecting entrepreneurial activity of legal entities in Sverdlovsk oblast

	(1)	(2)	(3)
VARIABLES	LNSMELE	LNSMELE	LNSMELE
<i>lnIncomepc</i>	9.022* (3.463)	8.878** (2.208)	3.322*** (2.599)
<i>EFI</i>	1.058 (1.043)	1.057 (0.904)	2.166* (0.880)
<i>CPI</i>	0.174 (0.124)	0.177 (0.100)	0.295** (0.0854)
<i>IIP</i>	0.313 (5.115)		
<i>lnSaldo</i>	0.0131* (0.00442)	0.0130** (0.00381)	0.0103** (0.00317)
<i>Unemp</i>	0.631 (0.429)	0.619 (0.330)	0.245 (0.271)
<i>LnGRPpc</i>			7.506*** (1.470)
<i>Constant</i>	-98.78 (50.00)	-96.41** (27.49)	-118.1** (25.86)
Годовые дамми	контроль		

Примечание: Стандартные ошибки приведены в скобках
*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$

Источник: составлено авторами.

ностями и наличием квалифицированных кадров, которые предоставляет городской тип поселений в регионе. Более того, экономический рост и развитие базовых отраслей промышленности (ВРП) не влияют на решение предпринимателей о создании ИП. Но именно индивидуальные предприниматели нуждаются в большей степени в поддержке со стороны государства, так как рост вмешательства регионального правительства в экономику региона (падение индекса экономической свободы) связано с ростом численности ИП (табл. 5).

Предприниматели, работающие в статусе юридического лица, больше ценят экономическую свободу (позитивная связь численности юридических лиц с региональным индексом экономической свободы), а также успешность собственной деятельности, формирующей позитивные предпринимательские ожидания (положительная связь с сальдо экономической деятельности и показателем экономического роста в регионе, измеренным ВРП). В то же время и этот сегмент предпринимателей ориентирован на доходы население, благодаря своей отраслевой структуре (табл. 6).

Все регрессионные модели являются гомоскедастичными, исходя из результатов тестов Breusch-Pagan / Cook-Weisberg ($p > 0.05$). Слабые значения *VIF* (менее 4) указывают на отсутствие высокой мультиколлинеарности между объясняющими переменными в моделях.

Заклучение

Предложенная аналитическая рамка исследования позволила обнаружить, что внутренние меры адаптации бизнес-процессов и бизнес-моделей МСП к ограничениям, вызванным пандемией, соответствовали кризисным факторам и повысили устойчивость бизнеса. В кризис усилились различия между отраслями и внутри отраслей между компаниями разных размеров. Это грозит российской экономике усилением монополизации и концентрации рынков.

Было обнаружено растущее сетевое взаимодействие между предпринимателями и не только посредством формальных сетей (бизнес-ассоциаций), но зачастую в форме неформального взаимодействия или в обход невостребованных ассоциаций. В кризис усиливается стремление к сетевому взаимодействию и к сетевым бизнес-моделям. Подтверждена выдвинутая в теории гипотеза о возможном влиянии сетей на развитие предпринимательства на развивающихся рынках в форме усиления взаимодействия внутри региона для ком-

пенсации институциональной слабости и объединения ресурсов и усилий в кризисный период. Стремление и готовность к сетевому взаимодействию даже в среде конкурирующих компаний возрастают в кризисных условиях, что усиливает восстановительные способности малого бизнеса. Сети важны, хотя и не в состоянии полностью компенсировать недостатки институциональной среды.

Данное исследование развивает анализ роли бизнес-ассоциаций с точки зрения взаимодействия предпринимателей и властей на уровне региона. Бизнес-ассоциации и незарегистрированные объединения предпринимателей позволяют наладить взаимодействие с государством в области отраслевого развития. Сила бизнес-ассоциаций зависит от размера, ценных селективных льгот, а также эффективности в посредничестве интересов членов.

Наблюдаемое изменение принципов государственной поддержки предпринимательского сектора как со стороны выбора объектов (наиболее устойчивые МСП), так и со стороны реализации мер (оперативность и эффективность), повысило выживаемость компаний. При этом вырос запрос бизнеса на организационную и информационную поддержку, а также на более тесное взаимодействие со стороны региональных и муниципальных властей.

В коронакризис государство продемонстрировало готовность к изменениям. Власти оказались способны адекватно оценивать лучшие практики бизнеса и оперативно их превращать в законодательные нормы. Сформировалось реальное взаимодействие властей и предпринимателей в антикризисных мерах. Однако разнообразие отраслей и компаний привело к разнообразию форм и результатов взаимодействия государства и бизнеса. Разные по размеру и отраслевой принадлежности компании по-разному оценили эффективность и выделили наиболее востребованные меры господдержки (поддержка инвестиционных проек-

тов, сохранение трудовых коллективов, сокращение ограничений или проверок).

В условиях комплексных санкций государство вновь стоит перед выбором приоритетов в поддержке: малый или крупный бизнес, эффективные компании или близкие к банкротству, бизнес или население. В 2020 г. выбор был проще: у крупных компаний возможности бесперебойной работы были больше, поэтому выбраны были население и МСП. При этом помощь была оказана, в первую очередь, компаниям, продолжавшим, а не прекратившим деятельность. Устойчивость компаний в период кризиса была связана с ранее реализованными стратегиями, ориентированными на инновации, инвестиции и гибкость управленческих решений.

В исследовании обнаружено различие между индивидуальными предпринимателями и предпринимателями, ведущими свою деятельность в форме юридических лиц в оценке влияния участия региональных властей на активность малого и среднего бизнеса. Государственное участие в экономике региона оказалось важно для наименее финансово устойчивого и образованного зачастую для решения краткосрочных задач, либо с целью минимизации налогового бремени сектора предпринимательства. Юридические лица в среде МСП демонстрируют большую рыночную ориентацию и стремление к экономической свободе.

Между тем, имеющиеся ограничения исследования, связанные с применением качественных методов на уровне одного региона, не позволяют полностью экстраполировать выводы на все регионы страны. Однако реализованный подход позволил получить нетривиальный вывод о роли самоорганизации бизнеса и открывает новые направления исследований межрегиональных сравнений и инструментов регионального развития, включая разнообразие реакции разных сегментов МСП на государственное вмешательство и качество институтов.

Список источников

- Aidis, R., Estrin, S., Mickiewicz, T. (2008). Institutions and entrepreneurship development in Russia: A comparative perspective. *Journal of Business Venturing*, 23, 656–672.
- Aparicio, S., Urbano, D., Odrech, D. (2016). Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: panel data. *Technological foresight and social change*, 102, 45–61. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.04.006.
- Arnold, J., Hussinger, K. (2010). Exports versus FDI in German Manufacturing: Firm Performance and Participation in International Markets. *Review of International Economics*, 18(4), 595–606. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2010.00888.x.
- Balbontin, C., Hensher, D. A. (2018). Firm-specific and location-specific drivers of business location and relocation decisions. *Transport Reviews*, 39(5), 569–588. DOI: 10.1080/01441647.2018.1559254.
- Барина В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. (2018). Предпринимательство и институты. Есть ли связь на региональном уровне в России? *Вопросы экономики*, 6, 92–116.
- Baumol, W. (1990). Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive. *The Journal of Political Economy*, 98(5), 893–921.

- Bach, N., Mickiewicz, T., Du, J. (2017) Local Governance and Business Performance in Vietnam: The Transaction Costs Perspective. *Regional Studies*, 52(4), 1-16. DOI: 10.1080/00343404.2017.1341625\$.
- Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., Maksimovic, V. (2008) Financing patterns around the world: Are small firms different? *Journal of Financial Economics*, 89, 467-487.
- Beuselinck, C., Cao, L., Deloof, M., Xia, X. (2017). The Value of Government Ownership during the Global Financial Crisis. *Journal of Corporate Finance*, 42, 481-493. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2015.05.002.
- Bykova, A., Coates, D. (2020). Firm performance and regional economic freedom: the case of Russia. *Post-Soviet Affairs*, 36(5-6), 395-415. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1785239.
- Веселов Ю. В. (2013). Институциональное и сетевое доверие как экономические категории. В: Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова, Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества (с. 263-289). Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ. ISBN 978-5-7598-1140-4.
- Goes, C. (2015). *Institutions and Growth: The GMM/IV Panel VAR Approach*. IMF Working Paper No. 15/174. DOI: 10.5089/9781513555508.001.
- Gugler, K., Mueller, D. C., Yurtoglu, B. (2003). The Impact of Corporate Governance on Investment Returns in Developed and Developing Countries. *The Economic Journal*, 113(491), 511-539. DOI: 10.1046/j.0013-0133.2003.00167.x.
- Dolgopyatova, T. G., Iwasaki, I., Yakovlev, A. (2017). Introduction: Russian firms in comparative perspective. *Economic Systems*, 41(March), 1-4.
- Dolgopyatova, T. G. (2012). Russian firms: business environment, internal organization and behavior. In: *Russia e Europa dell'Est: Progetti e prospettive di crescita [Russia and Eastern Europe: Progress and Prospects of Development]*. Research Series, No. 1 (preprint). University of Verona: Polo Scientifico Diddattico «Studi sull' impresa» and Center for International Studies. Retrieved from: <https://publications.hse.ru/preprints/55473813>.
- Doner, R., Schneider, R. F. (2000). Business associations and economic development: Why some associations contribute more than others. *Business and politics*, 2(3), 261-288. DOI: 10.2202/1469-3569.1011.
- Du, J., Mickiewicz, T. (2016) Subsidies, rent seeking and performance: Being young, small or private in China. *Journal of Business Venturing*, 31, 22-38.
- Djankov, S., Ganser, T., McLiesh, C., Ramalho, R., Shleifer, A. (2010). The effect of corporate taxes on investment and entrepreneurship. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2(3), 31-64.
- Земцов С. П., Бабурин В. Л. (2019). Предпринимательские экосистемы в регионах России. *Региональные исследования*, 2, 4-14.
- Земцов С. П., Михайлов А. А. (2021). Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса. *Экономическое развитие России*, 4 (28), 34-45.
- Зудин А. Ю., Яковлев А. А. (2011). «Подснежники» или незаменимые посредники? Сектор «работающих» бизнес-ассоциаций России (по данным качественного исследования). *Мир России*, 3, 95-124.
- Khan, I., Ming, J., Ali, M., Zhang, Z. (2020). The impact of government support on SME development: a case study of the Swat Valley. *Journal of small business management*, 58(1), 1-32. DOI: 10.1080/00472778.2020.1767487
- Johansson, B. (2000). Networking and entrepreneurial growth. In: D. L. Sexton, H. Lawrence (Eds.), *Blackwell's handbook of entrepreneurship* (pp. 368-386). Oxford: Blackwell.
- Казун А. П. (2015). Пересматривая роль бизнес-ассоциаций в России и на посткоммунистическом пространстве: от групп интересов к защитным организациям. *Экономическая социология*, 16 (3), 163-172.
- Coates, D., Mirkina, I., Murty, V. (2017). *The economic freedom of the Russian Federation*. SSRN Journal. DOI: 10.2139/ssrn.2969722.
- López-Bazo, E., Motellón, E. (2017). Innovation, Heterogeneous Firms, and the Region: Evidence from Spain. *Regional Studies*, 52(5), 673-687. DOI: 10.1080/00343404.2017.1331296.
- Miletkov, M., Poulsen, A., Babajide Wintoki, M. (2017). Foreign Independent Directors and the Quality of Legal Institutions. *Journal of International Business Studies*, 48(2), 267-292. DOI: 10.1057/s41267-016-0033-0.
- Morgan, S., McMahon, M., Grayson, D. (2008). Balancing health goals and industrial policy in the pharmaceutical sector: lessons from Australia. *Health Policy*, 87(2), 133-145. DOI: 10.1016/j.healthpol.2008.01.003.
- North, D. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press, Princeton, 200.
- Образцова О. И., Чепуренко А. Ю. (2020). Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия. *Журнал НЭА*. 2 (46), 199-211.
- Olson, M. (1965). *The logic of collective action: Public goods and group theory*. Cambridge, Massachusetts, 174.
- Olson, M. (1982). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Austerity*. New Haven, 324.
- Roper, S., Jun, D., Love, J. H. (2008). Modelling the Innovation Value Chain. *Research Policy*, 37(6-7), 961-977. DOI: 10.1016/j.respol.2008.04.005.
- Speth, R. (n.d.). Douglass C. North, Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Cambridge 1990. *Key Works in Political Science*, 331-334. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_88.
- Федюнина А. А., Яковлев А. А. (2021). Вместо заключения: сравнительный анализ состояния и перспектив развития отраслей российской экономики. В: Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов). Под науч. ред. Т. Г. Долгопятовой, Н. В. Акиндиновой, Ю. В. Симачева, А. А. Яковлева. 410-433. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики.

Heckelman, J. S. (2007). Explaining the rain: the rise and decline of nations 25 years later. *Southern Economic Journal*, 74(1), 18-33. DOI: 10.2307/20111950.

Estrin, S., Korosteleva, J., Mickiewicz, T. (2013) Which institutions encourage entrepreneurial growth aspirations? *Journal of Business Venturing*, 28, 564-580.

Яковлев А. А., Зудин А. Ю., Голикова В. В. (2011). Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России. *Общественные науки и современность*, 3, 26-35.

References

Aidis, R., Estrin, S. & Mickiewicz, T. (2008). Institutions and entrepreneurship development in Russia: A comparative perspective. *Journal of Business Venturing*, 23, 656-672.

Aparicio, S., Urbano, D. & Odrech, D. (2016). Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: panel data. *Technological foresight and social change*, 102, 45-61. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.04.006.

Arnold, J. & Hussinger, K. (2010). Exports versus FDI in German Manufacturing: Firm Performance and Participation in International Markets. *Review of International Economics*, 18(4), 595-606. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2010.00888.x.

Bach, N., Mickiewicz, T. & Du, J. (2017) Local Governance and Business Performance in Vietnam: The Transaction Costs Perspective. *Regional Studies*, 52(4), 1-16. DOI: 10.1080/00343404.2017.1341625\$

Balbontin, C. & Hensher, D. A. (2018). Firm-specific and location-specific drivers of business location and relocation decisions. *Transport Reviews*, 39(5), 569-588. DOI: 10.1080/01441647.2018.1559254.

Barinova, V. A., Zemtsov, S. P. & Tsareva, Y. V. (2018). Entrepreneurship and institutions: Does the relationship exist at the regional level in Russia? *Voprosy ekonomiki*, 6, 92-116. (In Russ.)

Baumol, W. (1990). Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive. *The Journal of Political Economy*, 98(5), 893-921.

Beck, T., Demirgüç-Kunt, A. & Maksimovic, V. (2008) Financing patterns around the world: Are small firms different? *Journal of Financial Economics*, 89, 467-487.

Beuselink, C., Cao, L., Deloof, M. & Xia, X. (2017). The Value of Government Ownership during the Global Financial Crisis. *Journal of Corporate Finance*, 42, 481-493. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2015.05.002.

Bykova, A. & Coates, D. (2020). Firm performance and regional economic freedom: the case of Russia. *Post-Soviet Affairs*, 36(5-6), 395-415. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1785239.

Coates, D., Mirkina, I. & Murty, V. (2017). *The economic freedom of the Russian Federation*. SSRN Journal. DOI: 10.2139/ssrn.2969722.

Djankov, S., Ganser, T., McLiesh, C., Ramalho, R. & Shleifer, A. (2010). The effect of corporate taxes on investment and entrepreneurship. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2(3), 31-64.

Dolgopyatova, T. G. (2012). Russian firms: business environment, internal organization and behavior. In: *Russia e Europa dell'Est: Progetti e prospettive di crescita [Russia and Eastern Europe: Progress and Prospects of Development]*. Research Series, No. 1 (preprint). University of Verona: Polo Scientifico Diddattico «Studi sull' impresa» and Center for International Studies. Retrieved from: <https://publications.hse.ru/preprints/55473813>.

Dolgopyatova, T. G., Iwasaki, I. & Yakovlev, A. (2017). Introduction: Russian firms in comparative perspective. *Economic Systems*, 41(March), 1-4.

Doner, R. & Schneider, R. F. (2000). Business associations and economic development: Why some associations contribute more than others. *Business and politics*, 2(3), 261-288. DOI: 10.2202/1469-3569.1011.

Du, J. & Mickiewicz, T. (2016) Subsidies, rent seeking and performance: Being young, small or private in China. *Journal of Business Venturing*, 31, 22-38.

Estrin, S., Korosteleva, J. & Mickiewicz, T. (2013) Which institutions encourage entrepreneurial growth aspirations? *Journal of Business Venturing*, 28, 564-580.

Fedyunina, A. A. & Yakovlev, A. A. (2021). Instead of the conclusion: a comparative analysis of the state and prospects for the development of industries of the Russian economy. In: *T. G. Dolgopyatova, N. V. Akindinova, Y. V. Simachev, A. A. Yakovlev (Eds.), Otvet rossiyskogo biznesa na pandemiyu COVID-19 (na primere shesti otraslevykh keysov) [The Russian Business Response on the COVID-19 Pandemic (On the Base of six Branch Cases)]* (Pp. 410-433). Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)

Goes, C. (2015). *Institutions and Growth: The GMM/IV Panel VAR Approach*. IMF Working Paper No. 15/174. DOI: 10.5089/9781513555508.001.

Gugler, K., Mueller, D. C. & Yurtoglu, B. (2003). The Impact of Corporate Governance on Investment Returns in Developed and Developing Countries. *The Economic Journal*, 113(491), 511-539. DOI: 10.1046/j.0013-0133.2003.00167.x.

Heckelman, J. S. (2007). Explaining the rain: the rise and decline of nations 25 years later. *Southern Economic Journal*, 74(1), 18-33. DOI: 10.2307/20111950.

Johansson, B. (2000). Networking and entrepreneurial growth. In: *D. L. Sexton, H. Lawrence (Eds.), Blackwell's handbook of entrepreneurship* (pp. 368-386). Oxford: Blackwell.

Kazun, A. P. (2015). Re-Examining the Role of Business Associations in Russia and Post-Communist Countries: From Interest Groups to Defensive Organizations. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*, 16(3), 163-172. (In Russ.)

- Khan, I., Ming, J., Ali, M. & Zhang, Z. (2020). The impact of government support on SME development: a case study of the Swat Valley. *Journal of small business management*, 58(1), 1-32. DOI: 10.1080/00472778.2020.1767487.
- López-Bazo, E. & Motellón, E. (2017). Innovation, Heterogeneous Firms, and the Region: Evidence from Spain. *Regional Studies*, 52(5), 673-687. DOI: 10.1080/00343404.2017.1331296.
- Miletkov, M., Poulsen, A. & Babajide Wintoki, M. (2017). Foreign Independent Directors and the Quality of Legal Institutions. *Journal of International Business Studies*, 48(2), 267-292. DOI: 10.1057/s41267-016-0033-0.
- Morgan, S., McMahon, M. & Grayson, D. (2008). Balancing health goals and industrial policy in the pharmaceutical sector: lessons from Australia. *Health Policy*, 87(2), 133-145. DOI: 10.1016/j.healthpol.2008.01.003.
- North, D. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press, Princeton, 200.
- Obraztsova, O. I. & Chepurensko, A. Yu. (2020). Entrepreneurial activity in Russia and its cross-regional differences. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2(46), 199-211. (In Russ.)
- Olson, M. (1965). *The logic of collective action: Public goods and group theory*. Cambridge, Massachusetts, 174.
- Olson, M. (1982). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Austerity*. New Haven, 324.
- Roper, S., Jun, D. & Love, J. H. (2008). Modelling the Innovation Value Chain. *Research Policy*, 37(6-7), 961-977. DOI: 10.1016/j.respol.2008.04.005.
- Speth, R. (n.d.). Douglass C. North, Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Cambridge 1990. *Key Works in Political Science*, 331-334. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_88.
- Veselov, Y. V. (2013). Institutional and network trust as economic categories. In: A. B. Kupreichenko, I. V. Mersyanova (Eds.), *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Trust and distrust in the conditions of civil society development]* (pp. 263-289). Moscow: National Research University Higher School of Economics Publishing house. (In Russ.)
- Yakovlev, A. A., Zudin, A. Y. & Golikova, V. V. (2011). Business associations and their role in the course of modernization of Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 3, 26-35. (In Russ.)
- Zemtsov, S. P. & Baburin, V. L. (2019). Entrepreneurial ecosystems in the Russian regions. *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*, 2, 4-14. (In Russ.)
- Zemtsov, S. P. & Mikhaylov, A. A. (2021). Trends and factors of development of small and medium-sized businesses in Russian regions during corona crisis. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Russian Economic Development]*, 28(4), 34-45. (In Russ.)
- Zudin, A. Y. & Yakovlev, A. A. (2011). Indispensable or Marginal? The Sector of 'Well-Functioning' Business Associations in Russia (based on qualitative survey data). *Mir Rossii [The Universe of Russia]*, 3, 95-124. (In Russ.)

Информация об авторах

Ружанская Людмила Станиславовна — доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой Международной экономики и менеджмента, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Scopus Author ID: 56646526700; <https://orcid.org/0000-0003-1490-779X> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: l.s.ruzhanskaya@urfu.ru).

Фонова Нина Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Международной экономики и менеджмента, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0003-0823-0882> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: nina.fonova@gmail.com).

Якимова Елена Александровна — старший преподаватель, кафедра Международной экономики и менеджмента, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Scopus Author ID: 56646302000; <https://orcid.org/0000-0002-9184-5118> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: ea.yakimova@yandex.ru).

About the Authors

Liudmila S. Ruzhanskaya — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Academic Department of International Economics and Management, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University; Scopus Author ID: 56646526700; <https://orcid.org/0000-0003-1490-779X> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: l.s.ruzhanskaya@urfu.ru).

Nina G. Fonova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Academic Department of International Economics and Management, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0003-0823-0882> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: nina.fonova@gmail.com).

Elena A. Yakimova — Senior Lecturer, Academic Department of International Economics and Management, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University; Scopus Author ID: 56646302000; <https://orcid.org/0000-0002-9184-5118> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: ea.yakimova@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 29.12.2021.

Прошла рецензирование: 01.03.2022.

Принято решение о публикации: 27.05.2022.

Received: 29 Dec 2021.

Reviewed: 01 Mar 2022.

Accepted: 27 May 2022.